

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА

A circular porthole view of a sunset over a city at night. The top half shows a bright sunset with orange and yellow clouds against a blue sky. The bottom half shows a city at night with lights and a dark sky. The text is overlaid on the center of the porthole.

**ЖИЗНЬ.
ИСПЫТАНО
НА СЕБЕ**

Наталья Иванова
Жизнь. Испытано на себе

«Автор»

2025

Иванова Н.

Жизнь. Испытано на себе / Н. Иванова — «Автор», 2025

Книга, которую вы держите в руках, - автобиографический роман о жизненном пути женщины в традиционно мужской профессии - металлургии. Автор делится откровениями своей жизни от деревенского детства в тихой алтайской деревушке до директора на Металлургическом комбинате. Открытый и честный рассказ о сложностях выбранного пути, неприятии женщины как руководителя мужского коллектива, выгорании, принятии себя и своей женской сути, снятии масок и отказа от чужих ролей. Современная Катя Тихомирова? В чём-то так и есть.

© Иванова Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Иванова

Жизнь. Испытано на себе

Предисловие

Идея написать книгу родилась у меня давно и постоянно откладывалась в какие-то неведомые дали, на какие-то отдалённые времена. При этом она была где-то на грани сознания каждый раз, когда я отмечала для себя после каких-то событий: «Э-э-эх, Наталья, это бы записать, чтобы не забыть потом детям рассказать!» И, естественно, забывала. Жизнь несётся, не спрашивая нас, успеваешь ты записывать свои мысли и поступки или нет. Я прекрасно понимала, что, для того чтобы начать, просто обязана дать самой себе правильный ответ на вопрос: а зачем? Для кого я напишу книгу о своей жизни, о каких ценностях стану в ней рассказывать, чему могу научить этой книгой, что хочу сказать? Можете посмеяться, но у меня до сих пор присутствует некий синдром самозванца. Тот самый, когда ты в своей жизни сделала много хорошего, многого добилась и продолжаешь достигать, но иногда всё ещё чувствуешь себя той девушкой, которая пришла после института и декрета трудиться на завод и о жизни-то ничего не знала.

Требуется определённая храбрость, чтобы рассказывать свою историю, передавая другим опыт и видение мира. Так для чего я всё-таки села за этот рассказ?

В определённый момент своей жизни, сталкиваясь с огромным количеством людей и мнений, я осознала, что социум внезапно «остандартил», если можно так сказать, само понятие человеческого счастья. Загнал его в рамки, потом эти рамки переделал: где-то расширил, где-то ужал, но это всё равно остались рамки.

«Всё же заранее известно! Сначала будут копить на телевизор, потом на стиральную машину, потом холодильник купят. Всё, как в Госплане, на 20 лет расписано. Глухо! Как в танке!» —

вспомнились мне слова персонажа Ирины Муравьёвой, той самой Людочки Свиридовой, у которой понимание счастья было совершенно другим. Да, тогда, 40–50 лет назад, общепринятое понимание счастья было иным, но за каждым оставалась свобода выбора своего собственного. Сейчас нам буквально навязывается понимание счастья как успешности. Из каждого утюга и чайника мы слышим об успешных людях, видим овеществление этой успешности в видеороликах социальных сетей и, сами того не замечая, загоняем себя в рамки именно этого, навязанного, счастья, оставаясь при этом удивительно несчастливими.

Кто-то всю жизнь строит карьеру, а потом оглядывается назад и понимает, что ничего-то в его жизни, кроме той самой карьеры, и не было. Кто-то полностью растворяется в семье, постепенно теряя себя, становясь её придатком. Кто-то, наоборот, «берёт от жизни всё», а потом в какой-то момент понимает, что адреналиновая гонка окончена, и чувствует себя опустошённым. Это, конечно же, примеры-крайности. Но в целом они очень жизненны.

Вот в этот момент я и поняла, о чём же будет моя книга. Она будет о счастье. О его поиске – для каждого человека индивидуально. Чтобы каждый, кто будет читать мою книгу, начал искать свой путь, своё счастье. Я не приведу здесь стройных формул, куда будет достаточно подставить свои исходные данные. Просто расскажу, как это делала я.

Я где-то прочитала, и мне запомнилось, что все наши эмоции завязаны всего на пять гормонов, выделяемых нашим мозгом. Именно эмоции формируются во впечатления, а впечатления – это воспоминания, которые мы бережно (или небрежно) храним. Они-то и составляют нашу память. Не таблица умножения и алфавит, не фундаментальные знания физики, химии или литературы, а именно воспоминания. Они учат нас взаимоотношениям и взаимодействию с другими людьми, учат быть самоотверженными или трусливыми. Именно они решают наши проблемы, когда мы попадаем на очередной судьбоносный перекрёсток или заходим в жизненный тупик. А мы их в большинстве своём недооцениваем, не понимаем их важности.

Помните Антуана де Сент-Экзюпери, того самого, который написал «Маленького принца», с его «Все мы родом из детства»? Он был чертовски прав, этот лёгчик, заставивший

мир замирать в восхищении и снова и снова переживать своё детство. А я бы добавила, что мы родом не только из детства, а из себя самих прошлых. Мы родом из наших воспоминаний.

Как формировать эти воспоминания, хорошие причём, строить свою лучшую жизнь благодаря им, просто быть счастливыми?.. Наверное, эту формулу я-таки составила. Ведь писала эту книгу на салфетках в кафе, в ежедневнике, сидя в кресле самолёта и разглядывая лоскутное одеяло страны, на телефоне в сообщениях самой себе, даже на обратной стороне рабочих документов. Когда вспоминала что-то определяющее или яркое в жизни, тогда и записывала. Словно заново формировала свои эмоции и воспоминания. Так и получилась моя книга-путешествие. В чём-то развлекательная, в чём-то познавательная, в чём-то даже романтическая и уж точно полная самоанализа и составления «формул жизни».

Это своё путешествие я дарю вам, искренне надеясь, что оно подтолкнёт вас к переосмыслению себя, к действиям для себя, к формированию счастливых воспоминаний. Я также надеюсь, что оно будет вам созвучно, что наши «синусоиды совпадут», а Москва поверит слезам.

Глава первая

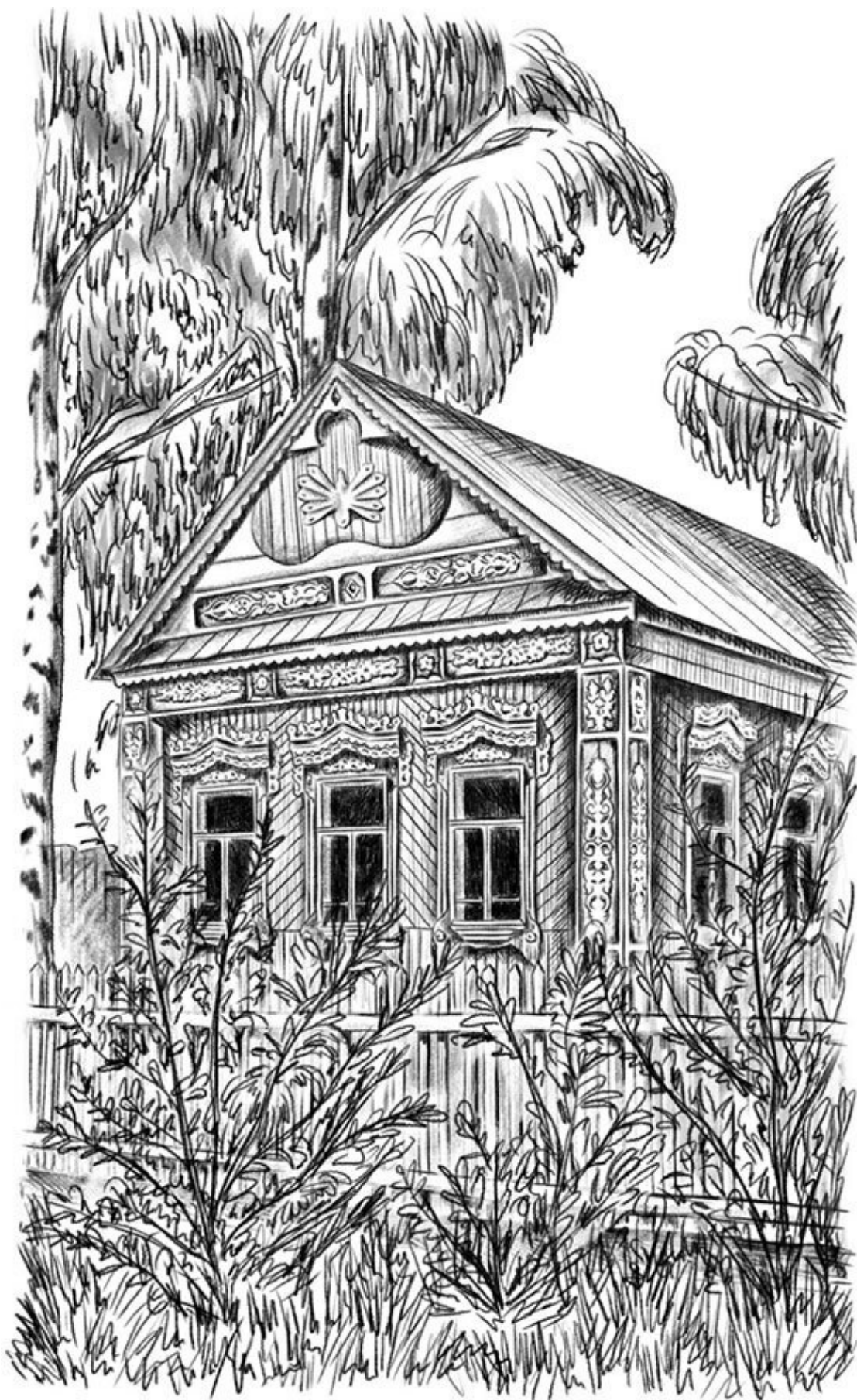
– А вот тут у нас крыжовничек, тут клубничка, а тут всё антоновка будет.

Что думаешь?

– Хорошо. А вот тут зелень надо посадить, чтобы с грядки прямо на стол!

– Это ты правильно думаешь!

К/ф «Москва слезам не верит»

Я сидела в комфортном кресле самолёта и рассматривала проплывающие под его крылом облака. Где-то там под ними скрывается родной Алтай. Благодарная земля, которая держит в своих ладонях могучие леса, смеющиеся звонкие реки, каменные остовы древних гор... Земля, которая дарит ощущение детства. Я закрыла глаза и постаралась погрузиться в то счастливое состояние устроенности, беззаботности и безопасности.

Рабочие моменты никак не отпускали. Поездка затянулась, и мыслями я всё возвращалась и возвращалась к уже решённым вопросам. С тех пор, как совершила свой «квантовый скачок» в карьере и стала операционным руководителем предприятия, на котором работает более 22 тысяч человек, я училась «отпускать себя». Училась давать своему сознанию отдохнуть и погружаться в безопасные воды хороших воспоминаний.

– Вы прямо как Катя Тихомирова из «Москва слезам не верит»! – смеясь, как-то сказали мне мои девчонки-однорукницы. – Как там у неё было? От наладчицы в цехе до директора завода?

«Да, девочки, так и было», – мысленно соглашаюсь я. А сама уже тянусь к ежедневнику, чтобы записать то ощущение далёкой алтайской деревни, те свои воспоминания, которые сделали меня мной.

Мы с родителями жили в Новокузнецке, но каждое лето мама с папой отправляли меня в свою родную деревню, чтобы ребёнок дышал чистым воздухом и хорошо кушал. И я думаю, что мой путь начался именно здесь, а не в промышленном городе, где мы постоянно проживали.

Алтай – это моя связь с корнями, вековые семейные традиции, основа, на которой держится вся пирамида. Помните же детские пирамидки? У меня была деревянная, с колечками, раскрашенными в разные цвета. Краска на них довольно быстро облупилась, а колечками я играла, запуская их кататься по отскобленным доскам пола в бабушкином старом доме. Так вот. Первым в пирамидке лежит самое широкое кольцо. Оно в самом основании и держит на себе прямую ось, на которую надеваются остальные кольца. Убери его – и пирамидка будет неустойчивой.

В деревне работы хватает всем, от мала до велика. Как только я подросла и могла осознать окружающий быт, я быстро поняла, что здесь всё достаётся трудом и дисциплиной. Нельзя просто открыть холодильник и взять оттуда помидор. Помидор нужно сначала вырастить. Заготовить семена, ещё зимой положить их в мокрую тряпочку на окне, а когда проклюнется росток – пересадить в горшок. Так получится рассада. И уже в конце мая, когда почва достаточно прогреется, высадить в грунт. Поливать, подвязывать, заботиться. И вот у тебя уже есть помидор. Процесс сложнее, чем открыть холодильник и взять, правда? А здесь всё было таким. Непростым и простым одновременно.

Моё первое воспоминание о деревне связано с картофельным полем. Оно казалось бескрайним, гряды убежали куда-то за горизонт и останавливались только у молчаливой стены леса. Мы занимались этим полем всей семьёй, шаг за шагом выполняя действия, которые помогали земле родить. Сначала поле распахивалось, потом высаживался картофель.

Знаете процесс? Лопатой выкапывается лунка на «один штык», то есть на длину лопатного штыка, туда закидывается семенная картошка. Та, что сберегалась с прошлого года именно под посадку. И так до самого конца поля, в одну линейку. Один копает, второй закидывает. Потом идём вторым рядом. Земля из вновь выкопанной лунки закидывается в предыдущий ряд – и так на всю ширину поля. Трудоёмко, правда? И это только начало. Летом картошку нужно окучивать тяпкой, и так до самой осени, когда приходит время сбора урожая.

Я помню, как брала тяпку и шла окучивать картошку. Видела эти длинные гряды и для себя чётко знала: отступать некуда. Тогда-то, наверное, впервые во мне и прорезалось фамильное упрямство, в котором принято дружно упрекать что моего папу, что бабушку. Я научила себя во время нудной и однообразной работы уходить мыслями в приятное. Тяпала себе и думать не думала, сколько там ещё до леса. Размышляла о героях читаемой сейчас книги, пред-

ставляла себя на их месте, придумывала новые сценарии и приключения. Или представляла, что вот-вот можно будет бежать купаться на речку вместе с остальной сельской ребятнёй, с которой мы крепко дружили.

Собирали, как и сажали, картошку всем селом и одним днём. И это было не столько трудовым подвигом, сколько праздником. Впереди шли мужчины, которые выкапывали и отбрасывали клубни лопатами. Женщины отряхивали её от земли и собирали в вёдра и корзинки. Потом полные корзины ссыпали в кузов грузовика, который ехал за нами прямо по полю.

В деревне окончание сбора урожая, как я уже сказала, это всегда праздник. После «картошки», наскоро ополоснувшись в остывшей бане, мы собирались и жарили её с грибами и лучком, пили парное молоко и ели свежий хлеб. Обычно не только своей семьёй, а вместе с соседями. Вот тогда, при взгляде на убранное поле, на кучу картошки во дворе, которую нужно было ещё разобрать и отсортировать, а потом спустить в погреб, и появлялось невероятное чувство удовлетворения! Не просто удовлетворения, а даже гордости! Потому что вот это вот необъятное, которое до горизонта, оно покорило тебя! День за днём, шаг за шагом. Понятно, почему деревенские жители всегда крепче и устойчивее перед любыми жизненными неурядицами. Они, то есть мы, не привыкли рассуждать и рефлексировать. Мы просто знаем, что если шаг за шагом ежедневно и упорно трудиться, то результат обязательно будет.

Кстати, эту «картофельную» традицию мы сохранили до сих пор. Каждую весну собираются все три поколения нашей семьи: мои родители, мы и наши дети – и дружно отправляются «на картошку». Мой папа в свои восемьдесят традиционно отвечает за это мероприятие. Подготовка семян, общий сбор и организация, посадка – всё на нем.

Казалось бы, зачем нам это надо? Не проще ли купить её в магазине? Конечно же, проще. Даже трудозатраты не окупаются с этой посадкой и уходом. Но! Это сохранение наших традиций и культуры, это семейственность и возможность быть вместе причастными к чему-то осязаемому. Вот для чего это нужно. Мой подросток сын умеет держать лопату и ведёрко, знает, что любой продукт не берётся просто из магазина. А значит, точно не пропадёт в жизни.

Это вот картофельное поле, которое часто всплывает в моей памяти, когда я готова приступить к чему-то глобальному, наверное, и дало мне жизненную установку – что посеешь, то и пожнёшь! Не как расхожую фразу, фразеологизм, а именно как руководство к действию. Это воспоминание всегда примиряет меня с огромным валом работы, который видится необъятным полем до самого леса, но только пока за него не примешься. Всем бы прожить лето в деревне, выполняя ежедневные очень простые действия. Это учит упорядоченности, вырабатывает привычку к труду и возвращает понимание простых ценностей и радостей.

Наверное, сейчас всем покажется, что деревня – это неподъёмный труд с утра до ночи. В чём-то, конечно, вы будете правы, но это на самом деле не так. Причём далеко не так. В деревне с детства все привыкают что-то делать, нет времени валяться на диване или страдать о неразделённой любви. Потому что дела делать надо. Корова сама себя не подоит.

Мой вам совет. Очень женский, конечно. Если у вас разбито сердце, если кажется, что всё в жизни идёт не так, что никто-то вас не любит и не заботится, – поезжайте в лес, в деревню, вернитесь к корням! Классик писал, что физический труд облагораживает человека, а я добавлю, что при работе руками невероятным образом прочищается голова. Даже сейчас, когда сажаю цветы на даче, выбрасываю из головы все рабочие мысли, я переключаюсь и по своему отдыхаю.

Но говорить, что село – это сплошной труд, тоже не стоит. Я бы сказала, что есть такой труд, который в удовольствие. Который и трудом-то не воспринимаешь.

Я сейчас говорю про лес. Здесь ведь совершенно другой мир. И таковым он был не двадцать лет назад, такой он и сейчас, и будет таким спустя сотни лет. Помню, как приезжала к бабушке зимой и мы накрывали на стол. Для этого нужно было спуститься в подпол и достать оттуда продукты и заготовки. Ту же картошку, лучок, сохраняемый в холщовых мешках, банки

с красными глянцевыми помидорами или крепенькими солёными огурчиками. Ровно то, что ты заготовил летом и осенью. Всю зиму ведь этим живёшь. Отдельная песня – это грибы, которые на зиму засушивались и висели под притолокой ароматными бусами или замариновывались в небольшие баночки. А уж сбор их всегда был, да и остаётся, отдельным удовольствием.

У нас на Алтае очень много грибов, ягод, полезных трав. Походы за ними в лес – настоящее священнодействие. Это та наша традиция, которая и по сей день передаётся от старшего к младшему. Я с удовольствием всегда ходила в лес, слушала и впитывала бабушкину науку. Запах слежавшейся хвои, свежий ветерок, охлаждающий щёки, звон комарья, которому не пробраться к тебе через хлопковый платок и плотный спортивный костюм. Старая выцветшая ветровка с капюшоном. Любимая, с большими карманами, в которые ты уж точно надерёшь дикой смородины на обратном пути, чтобы полакомиться. Ты идёшь за бабушкой и внимательно её слушаешь. Родители где-то впереди собирают в свои корзины и подойники самые крупные, чуть ли не первые попавшиеся, грибы, а бабушка шагает рука об руку с тобой и приговаривает:

– Смотри, Наталка, прошли они грибницу, собрали крупняк, а куды его? Только в варево и годится. А мы с тобой с этой полянки более ценный урожай соберём!

Ворошит палочкой лежалую листву, а под ней – меленькие крепенькие грузочки. Именно ими мы наполняем свои корзинки. Только они пойдут в баночки, которые с таким удовольствием будет зимой открывать папа и жмуриться, нацепляя их на вилку. Я возвращалась из леса довольная, гордо демонстрировала друзьям свой «улов», пока шли через деревню. Бабушки, что попадались навстречу, восхищённо цокали и нахваливали меня – помощницу.

Но собрать – лишь полдела. Нужно же ещё их обработать, закатать в банки, устроить на просушку. Целый ритуал! Ты садишься во дворе. Перед тобой большая ванна, которую наполнили водой и сваливали туда все грибы из корзин. Их нужно помыть, почистить, убрать налипшую хвою и листочки, переложить в ведро. Только потом они отправлялись на летнюю кухню для дальнейшей обработки. Стоит ли говорить, что эта традиция тоже осталась в нашей семье и сплотила нас ещё больше.

Кроме всего прочего, деревня – это ещё и глобальная школа жизни и даже выживания для ребёнка. Да и не только. В моём детстве в деревнях не было ни телевизоров, ни каких-то других привычных нам сейчас средств развлечения, вроде планшетов, айфонов, приставок. Да и сейчас, правду сказать, не везде связь ловит, вот и откладываешь телефон подальше, ну его.

Основное развлечение детворы – совместные игры. Нас в деревне всегда было два типа детей: городские и местные. Два типа, но не враждующие команды! Мы собирались всей толпой и устраивали свои игры. Вышибалы, прятки, резиночки (о-о-о-о, это отдельный рассказ о виртуозности!), казаки-разбойники! Это всё игры на взаимодействие и социализацию. Игры для команды. Наверное, никто, кроме спортсменов в командных видах спорта, не испытывал такую эйфорию от победы и такого глухого тяжкого разочарования от проигрыша, как дети в подобных играх. Эти эмоциональные воспоминания о триумфе, о слаженной работе, о крепком плече поддержки рядом. Было с вами?

Помните, я говорила о своих формулах поиска счастья и формирования воспоминаний? Вот сейчас, да-да, прямо сейчас вспомните миг своего наслаждения от победы! Победы именно в команде. Вспомните, как договаривались с ребятами о совместных действиях. Как расставлялись игроки по своим местам. Вы же в детстве знали способности друг друга и действовали без стеснений и оглядки на толерантность! Знали, что крупного лучше ставить на ворота, потому что он быстро не бегают, а ширину заполняет, например. Этот навык, который уже есть в ваших воспоминаниях, можно воскресить. Стоит только окунуться в атмосферу игры и победы.

* * *

Ещё в деревне мы много читали. Кто-то, как я, привозил с собой книжки из тех, что задали прочитать на лето. Кто-то брал их в местной школьной библиотеке. Каким-то счастливым родителям часто привозили новые из города. Помню, что бабушка не разрешала читать допоздна и лёжа в кровати или на диване. Ворчала, мол, глаза испортишь. А я жила и дышала приключениями пятнадцатилетнего капитана! Поэтому, когда она, намаявшись за день, засыпала, я доставала припасённый папин фонарик и читала под одеялом. У-у-у-ух, доставалось мне, если она меня на этом ловила.

Книгами мы обменивались, делали для них красивые закладки, берегли и заботились. Они были дверью в волшебный мир, полный приключений и добра, которое всегда побеждает зло. Они были величайшей ценностью в нашем ребячьем мире. Наверное, поэтому я до сих пор предпочитаю покупать бумажные, а не электронные, хоть это и удобнее в разы. Открывать их в первый раз, вдыхать запах типографской краски между страниц, наслаждаться шероховатостью или гладкостью бумаги, любоваться шрифтом...

Особенным днём в деревне – и моим любимым – всегда была суббота. Во всех деревнях это и сейчас банный день! Утром, как обычно, мы вставали рано. Бабушка шла доить коров и выгонять их на пастбище, а я – поливать огород, пока солнце не начало жарить всюю. Потом дружно топилась баня. В этот день топили все. По деревне растекалась еле заметная сизая дымка, которая окутывала уютным запахом берёзовых дров. Мне кажется, я до сих пор ощущаю его, когда вижу или слышу слово «суббота».

Перед баней ставились тазы с водой, и из неё натаскивалась в них горячая вода. Мы натирали на тёрке хозяйственное мыло и добавляли его в воду. Туда отправлялись вещи, и к ним прилагалась Её величество Стиральная доска. Кто-нибудь сейчас ещё помнит, что это такое? А многие ли знают, как ею пользоваться? После процедуры замачивания и оттирания белья на доске оно отправлялось в тазик с холодной водой, где несколько раз полоскалось, затем вешалось для просушки здесь же, во дворике, на верёвочки. И пахло от него почему-то не хозяйственным мылом, а свежестью солнечного летнего полудня.

Вечером, закончив все дела, учитывая вечерние полив огорода и дойку, после того как задали корма всем животным, а курицы в курятнике уже начали дремать, семья по очереди отправлялась в баню. Потом, распаренные, словно заново родившиеся, в чистом и красивом мы собирались на посиделки. Молодёжь, да и многие взрослые шли в клуб на танцы или в кино, если как раз привозили новый индийский фильм. Детвора с бабушками сидели на верандах или на лавочках у дворов, пили чай с вареньем, разговаривали, пели песни. Если повезло иметь в семье или в соседях гармониста, то под аккомпанемент гармони или баяна.

Это был единственный день недели, когда бабушка не «загоняла» меня спать, а позволяла сидеть с ней, слушать «взрослые» разговоры, песни... Так я обычно и засыпала, прямо на лавке за столом, прижавшись к ней и оберегаемая её нежной рукой. Потом кто-нибудь из взрослых относил меня на руках до кровати, а бабушка с утра ворчала, что мала я ещё допоздна сидеть. Но ворчала для порядка, зная, что в следующую субботу опять разрешит мне сидеть с ними и заснуть тут же.

Здесь вообще все воспринимаются какой-то одной семьёй. Не только в моём детстве и не только в моей деревне. Я точно знаю, что во многих сёлах на всей территории нашей красивой страны так и есть. Все друг другу помогают. Огород ли вскопать, за скотиной присмотреть, если соседи в город поехали по делам, детей покормить.

Помню, обедать или полдничать мы могли не дома, а всей ватагой у кого-нибудь одного. Сегодня у друга моего Митька, завтра у подружки Сонюшки, а послезавтра моя бабушка накры-

вала стол для десятка ребятишек. Ни одна хозяйка не ворчала, что не обязана кормить чужих детей. Не было у нас в деревне чужих. И сейчас нет.

Не дай бог было не поздороваться с кем-то на улице! Даже если вы не знакомы. Кошмар! Бабушка уже через пару минут будет знать, что внучка у неё невоспитанная, вежливости не понимает!

Дни рождения и свадьбы отмечались всем селом. На улицы выносились столы с угощением, которое, впрочем, готовила каждая хозяйка в деревне на это торжество. Кто-то пёк пироги, кто-то варил щи, кто-то коптил домашнюю колбасу, а кто-то и «лучшим в селе вином» хвастался. Словом, семья.

Понимаете уже, что даёт мне это воспоминание? Люди, с которыми ты живёшь и работаешь бок о бок. Будь то небольшой коллектив магазинчика или большой, целого завода, – они тоже часть твоего мира. Вы вместе, вы делаете одно дело, которым живёте. Не патетически, как лозунг, а вполне буднично – получаете заработную плату за работу, и на неё кормите себя, свою семью. От этих людей, которые рядом, зависит благополучие не только предприятия в целом, но и твоё. Личное и кровное. А их личное и кровное зависит от тебя.

Завод, конечно, не деревня, но иногда мне её очень напоминает. И это напоминание вызывает улыбку и ощущение единства, а не негатив. Бабушка, помнится, когда уже в преклонном возрасте переехала к нам в Новокузнецк (родители настояли, чтобы суметь помочь и быть рядом), первые недели ходила по улице и со всеми здоровалась. Потому что для неё не поздороваться с человеком, с которым ты рядом живёшь, – верх неуважения.

Ну и ещё одно цепляющее о детстве из деревни. Не очень приятное, но без этого никак. Деревня воспитывает в тебе стойкость. Причём это касается не только тяжёлой деревенской работы, которая находится для всех, от мала до велика. Это касается ещё и всех детских приключений и сопутствующих травм. Когда мир исследует городской ребёнок, ему грозят совершенно иные опасности, чем в деревне. Конечно, травмы по типу «упала с качелей» бывают и в городе, да и вообще дети могут «отхватить» приключений по полной программе даже в закрытой комнате, обитой войлоком. Но в деревне ты буквально подвержен опасности на каждом шагу.

Вот вы знаете, что у собак есть зубы? Конечно, знаете. У меня на память об этом даже шрам под глазом имеется. А знаете, что зубы есть ещё и у гусей? Щиплются они пребольно! Синяки на попе оставляют весьма ощутимые. До сих пор этих птиц побаиваюсь! А заборы! Это же проклятье всех деревенских детей. Помнится, я насадилась подбородком на гвоздь, перелезая через тысячи раз «перелезательный»!

В чём же стойкость? Тут, как в армии, солдат должен стойко выносить все тяготы и лишения... и далее по уставу. Я сейчас не о том, что ты не должен жаловаться, если упал, а о том, что шрамами было принято хвастаться, словно они получены в бою. Да, даже девочкам. Было важно показать друзьям, что трудности тебя закаляют. И я до сих пор не в силах объяснить, почему мы были такими «оловянными солдатиками», ведь, по сути, всё равно оставались детьми.

Самолёт мой пошёл на посадку. Скоро я обниму мужа и детей. Буду дома. Вот-вот я перестану снова быть девчонкой с разбитыми коленками, чемпионом по резиночкам, бабушкиной помощницей. Я снова стану милой женщиной в элегантном платье, руководителем и, конечно же, мамой. Но я всегда буду помнить себя и то, что значит для меня Алтай.

Алтай – это не сиюминутные достижения, успешность в моменте, к которой так призывают «проповедники счастья». Это то, что сформировало меня как личность. Это труд и стойкость, это мои корни и семья, это уважение к людям и понимание людей.

Глава вторая

– Знаешь, Катя, насколько я разбираюсь в жизни, мужчины предпочитают женщин интеллигентных профессий...

К/ф «Москва слезам не верит»

«Тук-тук, тук-тук», – стучат колёса, а поезд несёт меня по Западной Сибири через весь Кузбасс к родному Новокузнецку. Я редко путешествую на поезде и, наверное, зря. Здесь в купе уютно размышлять, вспоминать что-то. Гремит ложечка в стеклянном стакане с чаем, стоящем в металлическом подстаканнике, свет чуть приглушен, а в окно заглядывают синие сумерки. Всё-таки мы живём в очень красивом месте, и только про эти места я могу сказать, что я тут дома.

С чем у вас ассоциируется дом? Скорее всего, с домом родительским, с временами детства и школьных лет. С мамиными блинчиками по утрам и папиными широкими плечами, на которых он носил вас в праздники, чтобы точно разглядели всё самое интересное в этой толпе. С воздушными шариками в дни рождения и выступлениями на школьных концертах.

Дом моих родителей всегда был полон. Наверное, именно к нему применимо выражение «дом – полная чаша», и я сейчас не о финансовом достатке. Я о той душевной близости, которая царит между нами, о том согласии, которое бывает лишь в любящих семьях. Может быть, поэтому у нас всегда собирались друзья, словно тянулись к нашему теплу, и приносили своё. Родители устраивали и шумные застолья в праздники, и тихие посиделки с песнями за лепкой пельменей.

Мы собирались на кухне. Мама с папой и я, друзья родителей – одна-две семьи. Женщины делали тесто в большом таком эмалированном тазу, резали лук в начинку, а папа с другими главами семейств по очереди прокручивали мясо на фарш. Помните такие старые советские мясорубки, которые у многих и по сей день живы? Требовались действительно сильные мужские руки, чтобы перекрутить несколько килограммов. Потом мы усаживались вокруг стола, раскатывали тесто, вырезали чашками кружочки, в которые клалась ложечка фарша, сдобренного луком, солью и перцем, и красиво залепляли. Помню, будучи детьми, хвастались, у кого пельмешки красивее и аккуратнее. Впрочем, нам, непоседам, эта забава быстро надоедала, и нас отпускали смотреть мультики или играть в настолки.

Настольных игр, сколько себя помню, в доме было всегда много. Родители с удовольствием проводили со мной вечера за ними. За ними или за книгами. Папа часто читал мне на ночь, он вообще очень много читал и пристрастил к чтению и меня.

Сейчас понимаю, что я всё-таки больше папина дочка, хоть и переняла мамин волевой характер. Он у меня шахтёр, полный кавалер знака «Шахтёрская слава», тот человек, который всегда был душой компании, тот, с кем советовались, кому доверяли. На работе его всегда ценили за наставничество, отеческое отношение к новеньким и честную дружбу с теми, с кем рядом уже много лет.

Шахтёрское братство – это что-то особенное. Только представьте: люди день за днём по несколько часов находятся там, глубоко под землёй, в забое! Над ними тонны и тонны земли, они должны доверять друг другу не просто по работе, а свою жизнь. Вот папа как бригадир был тем спланивающим элементом, благодаря которому эти такие разные и сильные мужчины жили в мире и доверяли друг другу.

В моём мире, мире моего детства, отрочества и юности папа тоже всегда был символом надёжности. Его крепкая рука держала мою ладошку, когда я боялась на детской площадке идти по врытым столбикам-пенькам. Высоко же, боязно. Но рядом был папа, а с ним ничего не страшно! Помню, как мы ходили на парады. Тоже семьями, всем шахтёрским братством, а папа нёс меня на плечах – счастливую и размахивающую красными первомайскими флажками!

В школе я занималась музыкой. С третьего класса стала ходить не только в обычную общеобразовательную, но и в музыкальную школу. Мне безумно нравилось играть на фортепиано, нравилось расшифровывать ноты и превращать их в прекрасную гармонию звуков. Сейчас я понимаю, что для ребёнка это была достаточно серьёзная нагрузка, но мне всегда нрави-

лось учиться чему-то новому. Тогда я не то чтобы совсем не замечала сложностей, а просто воспринимала их как шаги к чему-то интересному и пока непознанному.

Музыкальная школа – это не только владение инструментом и нотная грамота, когда ты учишься запоминать и одновременно работать головой и руками. Это ещё и обязательное участие в хоре, когда ты учишься слушать себя и слышать других. Сейчас я понимаю, что музыкальное образование дарит просто потрясающие навыки. Навыки, которые потом мне не разгодились во взрослой жизни. Это, знаете, как способность Цезаря делать несколько дел одновременно. Так и я научилась слушать людей рядом, делать правки в документах и планировать выходные.

При этом я всегда достаточно хорошо училась в школе. Скажем так, мне нравилось быть примерной девочкой, первой в классе, нравилось знать и понимать чуть больше, изучать предметы чуть глубже.

В пятом классе музыкальной школы, он же девятый в общеобразовательной, я приняла осознанное решение оставить учёбу. Уйти из «музыкалки» и из школы. И если моё решение расстаться с музыкальной школой родители приняли не очень хорошо, всё-таки уже было потрачено столько времени и сил, то расстаться со школой и поступить в старшие классы в профильный лицей – на ура!

К тому времени я уже поняла, что мне очень нравятся точные науки: математика, геометрия, черчение. Именно поэтому я и огорошила родителей своим решением уйти из музыкальной школы и поступать в лицей с математическим уклоном. Но, придя на новое место учёбы, я вдруг оказалась уже не самой лучшей ученицей. Я, которая привыкла, что у меня всегда «пятерки», что ко мне обращаются одноклассники с вопросами и за разъяснениями, стала хватать «тройки» один за другим. Здесь были совершенно другие требования, другие пласты знаний. Я просто была в шоке! И в какой-то момент даже растерялась.

– Дочь, ты у меня умная, не сдавайся так просто, – сказала тогда мама, видя, что я день за днём прихожу из лицея расстроенная и сажусь за уроки, едва взглянув на обед. Наверное, только моя мама – очень активная, общительная, неизменно собирающая вокруг себя компании неисправимая оптимистка – могла меня воодушевить тогда.

Конечно же, я не собиралась сдаваться! Училась старательнее, принимая этот вызов. Тогда, кажется, впервые ко мне пришло осознание, которое приходит когда-то к каждому. Ко мне вот пришло в достаточно раннем возрасте: я была уникальной и крутой только в своей среде, среде, к которой я привыкла, где всё уже подчинялось моим правилам и представлениям. А есть другой мир, и в его границах я уже не так уникальна, не так умна, мои супернавыки не такие уж и супер. А ведь за этим миром появится другой, границы будут расширяться снова и снова. Это, наверное, тот первый жизненный урок, который я получила.

Сейчас я с огромной благодарностью вспоминаю тот период. Да, этот переход дался мне нелегко, но он стал той ступенькой, которая впоследствии привела меня не только к моей профессии, но и к любви всей моей жизни. В наших классах вели уроки преподаватели Сибирского государственного индустриального университета. Они были из того склада учителей, которые не дают поблажек, требуют от школьников организованности и сосредоточенности студенческого уровня. Наверное, именно благодаря им мне в университете было гораздо проще, чем многим другим.

Моя учёба в школе и в университете пришлась на сложные девяностые и начало нулевых. Тогда инженерно-рабочие специальности стремительно выходили из моды, и этому настрою поддавалась и я. Много раз говорила маме, что хочу быть психологом, юристом или экономистом. Но моя семья – это целая династия рабочих Кузбасса и крепких людей, выросших на Алтае. Людей со сложными и ответственными профессиями, людей, которые в буквальном смысле ковали Победу в Великой Отечественной войне. Ведь половина советских танков были одеты в броню, сделанную здесь. Но 16-летняя Наталья, ещё слишком наивная и по-юношески чуточку

легкомысленная, совершенно не желала слушать уговоры и вполне убедительные доводы. Тогда решительно вмешалась мама. Чем-чем, а решительностью и умением находить аргументы я точно пошла в неё.

– Мы сейчас с тобой идём и подаём документы в СибГИУ на металлургическую кафедру! – безапелляционно сказала она. – Пойдёшь туда за мужем. Выйдешь замуж – и учишь, где хочешь и на кого хочешь.

Стоит ли говорить, что сопротивляться после такого заявления было бы лишним, я бы всё равно её не переупрямила. Забегая вперёд, скажу, что мама была во всём права. Хотя тогда я этому не верила и считала, что иду за знаниями.

Эта, не побоюсь такого слова, героическая женщина многому научила меня в жизни. Нам не нужно было вести долгие разговоры матери и дочери, не нужно было проводить вместе всё время – всё-таки она растила меня в достаточно сложные времена. Я просто смотрела на то, как поступает она, а со временем начала понимать и подоплёку её решений. В маме всегда была какая-то житейская мудрость, с которой я со временем перестала спорить.

Она у меня, сколько я себя помню, работала швей и очень любила своё дело. Даже уйдя на пенсию, мама стала учить ребятшек шитью в детских кружках. А какие наряды она мне шила! Во времена тотального дефицита у меня всегда были самые красивые платья и костюмы. Она учила меня своему делу: шить и пришивать, отпаривать и делать ровные строчки. Красивая женщина должна уметь красиво одеваться!

В нашей группе, кстати, было всего пять девушек и двадцать пять парней. Ещё бы! Я же, фактически, поступила в институт на кафедру и профессию, которые считались исключительно мужскими. Конечно же, внимания от противоположного пола была масса. К этому моменту я уже вполне осознала себя девушкой привлекательной, а яркой и непосредственной была всегда. Нельзя сказать, что я по завету мамы сразу же начала искать себе мужа, хотя все девушки из моей группы нашли свои вторые половинки уже во время учёбы. Я просто училась. Грызла гранит науки, даже не ходила на студенческие вечеринки, а общалась со сверстниками и одногруппниками только на учёбе.

Да-да, мой будущий муж был среди них. Хотя мне кажется, что я какое-то время его в упор не замечала. Конечно, мы общались. Здоровались, передавали конспекты, иногда принимали участие в общих развлечениях.

Он старше меня на два года. Там многие парни были старше, потому что пришли в университет уже после техникумов. Они все были старше не только по возрасту, но и по мироощущению. Серьёзные, казалось, знающие об этой жизни то, что нам, семнадцатилетним девчонкам, ещё только предстояло постичь.

Он был такой же. Всегда сидел на первых партах, был серьёзен и сосредоточен. От него веяло спокойствием. Наверное, это моё первое ощущение-ассоциация от него – спокойствие.

Знаете, бывают люди, как бурный поток, который несёт лодку, а гребцы в ней стараются лишь лавировать между речными валунами. Есть люди – тёмный лес, загадочный и столь же страшный, сколь и притягательный. А есть люди – рассветное утро на море, когда солнце ещё не показалось из-за горизонта, тихо шумят волны, а лёгкая дымка нежно окутывает тебя, даря безмятежность и спокойствие.

Вот такой вот он и был в университете, мой будущий муж. Когда на третьем курсе мы внезапно начали встречаться, я сама себе удивлялась: как я могла не замечать его? Почему он не подходил ко мне? Не оказывал читаемых мной знаков внимания?! Уже позже он рассказывал, что сразу же меня заметил и просто ждал момента, когда мы уже будем вместе. Чего ждал, спрашивается? Ждал, пока я стану чуточку взрослее, чуточку больше будет во мне серьёзного настроения? Но как только он завоевал моё внимание – всё!

А было это достаточно спонтанно и неожиданно. В конце третьего курса наши ребята собирались весёлой студенческой толпой поехать отдохнуть на Обское море. Это большое

Новосибирское водохранилище на реке Обь, действительно как море. Я раньше никогда никуда с ребятами не ездила, по дискотекам не ходила, просто потому что родители не отпускали, а без их согласия я бы и не решилась. И вот подходит ко мне Дмитрий и говорит:

– Наташ, а поехали с нами на Обское море. С палатками, гитарами, кострами. Отдохнём все вместе, пообщаемся, накупаемся!

– Конечно, поехали, но ты сначала меня у моей мамы отпроси!

Я была на все 100 % уверена, что мама меня не отпустит. Вообще думала, что Дима вряд ли решится пойти отпрашивать. А он на следующий же день пришёл к нам домой и безо всяких стеснений спросил у моей мамы, мол, отпустите? А она взяла и согласилась. Стояла я тогда в абсолютном шоке, а потом бросилась собираться!

Вернулись мы с Обского моря уже парой. Дима тогда сразу же заявил моим родителям, что дочку им не вернёт. Женится, и точка!

Свадьбу мы гуляли для родителей, потому что сами не хотели делать никакого торжества. Мамы же и папы с обеих сторон были неумолимы: хотим погулять на свадьбе детей, и всё!

Свадебное платье я шила сама вместе с мамой. Мы купили много метров белоснежного креп-сатина и дома на маминой швейной машинке принялись за платье. Оно у меня было корсетное с пышной-пышной юбкой. Лиф отделан цветочками, которые я делала вручную. Помню, что их изготовление стоило мне практически всех исколотых пальцев. Мне до сих пор кажется, что у меня было самое-самое красивое платье, какое только можно себе представить.

В день свадьбы, а гуляли мы её с родственниками и нашими студенческими друзьями, всё было по старой советской традиции. Перво-наперво выкуп невесты. Я жила на восьмом этаже, и всем гостям вместе с женихом пришлось туда топать по лестнице, проходя разные конкурсы. Кстати, в день нашей свадьбы лил сильный-сильный дождь, но я не расстроилась: есть же примета, что дождь в день свадьбы – к счастью.

Отмечали мы свой день в обычной школьной столовой. Украшения по минимуму, составили столы в виде буквы П, музыка лилась из простого, чуть похрипывающего магнитофона. Всех наших гостей, около сорока человек, мы попросили не заморачиваться с подарками, а принести по лотерейному билету. И что вы думаете? Ни один билет не выиграл ни копейки! Я, встав на следующее утро после свадьбы, собрала их и выкинула с восьмого этажа! Они разлетелись веером по всему двору.

На второй день свадьбы, когда все гости догуливали, мы с уже мужем сели на поезд и уехали в Анапу.

Раньше я на юга ездила только с родителями. Когда была маленькой, часто болела, и мама собрала семейный совет, на котором было решено каждый год возить ребёнка «прокаливаться» на южном солнце, дышать целебным морским воздухом. Мама любила устроиться на пляже и загорать, а мы с папой много ходили по городу, гуляли в дендрариях, сражались в игровые автоматы. И это детское незамутнённое южное счастье я везла к морю уже вместе с мужем, думая, что совсем скоро буду возить сюда и наших детей. Буду рассказывать, как гуляли студенческую свадьбу и ехали в первое путешествие.

Тогда всё было очень скромно, всё-таки мы были ещё студентами. Ехали мы в обычном плацкарте четверо суток с пересадкой в Москве. Сейчас всё вспоминается с улыбкой, а тогда было жарко и душно, очень неудобно. В Москве у нас между поездами было несколько часов, и мы решили погулять по столице. В тот день мы сделали фотографию недалеко от Кремля на мосту через Москву-реку, а спустя двадцать два года вернулись туда, чтобы сфотографироваться на этом же самом месте уже вместе с детьми.

В Анапе мы везде ходили пешком, пили настоящее кубанское живое вино, много купались и наслаждались ласковым южным солнцем. Меня тогда поразили большие креветки, которые продавались прямо из ведра на рыночках, как у нас в Сибири продают семечки. Мы брали

пару стаканов креветок, терпкое вино – и мне казалось, что я ничего вкуснее на свете никогда не ела.

Из Анапы мы добрались на один денёк до Азовского моря. А надо сказать, что пляжи Азова, в отличие от песчаных и галечных анапских, ракушечные. И так я увлеклась сбором и рассматриванием этих красивых ракушек, что не заметила, как получила тепловой удар. Вернувшись в Анапу, в гостиницу, весь следующий день провалялась с жуткой температурой и головной болью. Тем не менее, это наше первое путешествие на юг вспоминается как сплошное солнечное счастье со вкусом кубанского вина.

Кстати, только спустя много-много лет, буквально год назад, мы с мужем уже сыграли свадьбу для себя. Решили повенчаться в храме, устроить тихий красивый праздник, на котором будут присутствовать самые близкие, включая наших детей. Получилось так, что наши друзья, которые весело гуляли на нашей первой свадьбе, были и на нашем венчании более чем двадцать лет спустя.

Вот так вот на четвёртый курс мы уже пришли семейной парой Ивановых и дальше доучивались бок о бок. Если сначала я тихонечко смеялась над мамиными матримониальными планами, то сейчас только и могу, что говорить ей «спасибо» за это её решительное: «Ты идёшь в университет за мужем». Спасибо ей и мирозданию. Мы с любимым мужем вместе с тех самых пор, и я очень рада этому.

Жизнь нашей молодой семьи была, наверное, как и у любой другой в те годы. Муж работал, я же сразу после окончания альма-матер не кинулась строить карьеру. Мы хотели большую семью, хотели детей, и было решено, что я буду заниматься своим здоровьем. Только спустя три года у нас родилась долгожданная дочка.

Она стала настоящим чудом не только для нас двоих. Все бабушки и дедушки висели над кроватью вверх ногами, как летучие мышки, и не могли на неё насмотреться. Розовые пухлые щёчки, носик-кнопка и недовольно поджатые губки, когда она собиралась заплакать. Я с такой гордостью гуляла с коляской по весенним, а потом и летним улицам родного города, словно мой ребёнок был самым исключительным в мире. Но, вообще-то, он и был, и есть! Думаю, что все матери знают это о своих детях.

В те времена нам жилось достаточно тяжело. Работал только мой мужчина, а я была посвящена дочке. Стоит ли говорить, что и времена в стране были сложные, и зарплаты небольшие. В тот момент я поняла, что мама научила меня быть хорошей хозяйкой. Я знала те самые «сто блюд из картошки», как в фильме «Девчата», а что я могла сделать с одним-единственным окорочком... Мы обычно покупали коробку окорочков на месяц, и я включала всю свою фантазию. Кстати, очень нам помогали наши летние и осенние деревенские закрутки. Из одного окорочка я готовила и первое, и второе на день. Срезала мясо и отправляла на гуляш, в сковороду шло побольше морковки и лука, чуть томатной пасты. К нему подавала картофельное пюре. Из косточек, шкурки и остатков мяса варила насыщенный бульон и делала отличный супчик с домашней лапшой. Мы жили в режиме жёсткой, если не сказать жестокой, экономии.

Моя свекровь, кстати, готовила всегда просто превосходно: она была по образованию поваром, и превзойти её в готовке не мог никто. Тем более я, как я считаю. Мой муж любит такую острую и достаточно кисленькую еду. Как-то раз я решила его порадовать и наварила борща, добавив туда побольше уксуса. Он пришёл с работы, сел за стол, я красиво подала ему своё творение.

– Ну что, – спрашиваю, – вкусно?

– Вкусно, – улыбается он в ответ. Умял всю тарелку, но от добавки, что характерно, отказался.

Чуть позже я тоже решила покушать, налила себе, сунула первую ложку в рот...

– Матерь Божья, Дима, это же невозможно есть! Вырви глаз просто! – воскликнула я.

Концентрация уксусной кислоты была такой, что я даже не представляла, как он стоически умял всю тарелку. Конечно, больше я так не экспериментировала. Всё-таки муж любимый, и отравить его в один прекрасный день мне совершенно не хотелось.

Был один-единственный день в году, когда мы «шиковали»: готовили классические советские салаты, накрывали богатый, как нам тогда казалось, стол. Это было на Новый год. Кстати, и сейчас, при нынешнем изобилии всего-всего, мы продолжаем эту семейную салатную традицию. У нас до сих пор на праздник на столе салат «зимний», селедка под шубой, конечно же, холодец, ну и куда без бутербродов с маслицем и красной икрой.

В остальном же, как я уже писала выше, мы питались очень скромно, если не сказать – очень бедно. Конечно, выручали огороды, но не всё там вырастишь. К тому же, мы старались хоть чуть-чуть откладывать, чтобы куда-нибудь вместе сходить: в кино, на спектакль, в какую-нибудь кафешку раз в пару месяцев.

Я помню тот поворотный момент, когда я решила, что больше так нельзя. Больше я так жить не хочу и не буду.

Я зачем-то пошла в магазин и увидела ИХ! Сапоги. Зимние, тёплые и такие красивые... Цена их для меня в то время была просто неподъёмной суммой. Стоили они столько, что покупка превысила бы месячный бюджет всей нашей семьи в несколько раз. Я тогда пришла домой, села на табуретку на кухне и расплакалась. Я плакала так горько, как не плакала, наверное, никогда. А потом вытерла слёзы и зло сказала самой себе:

«Это последний раз, когда я не смогла себе позволить купить зимние сапоги – такие, как я хочу! Я должна сделать всё, чтобы больше не рыдать о сапогах! Я стану директором заводов-газет-пароходов. У меня всё получится!» Именно этот момент и подвиг меня начать свой карьерный путь.

Как только моё Солнышко, такое у дочки было и есть домашнее имя, пошла в детский сад, я устроилась на свою первую работу. Моя первая должность – кладовщик на складе ставшего впоследствии родным завода. Я готова была, если честно, пойти на любую позицию, настолько меня достали безденежье и постоянная экономия.

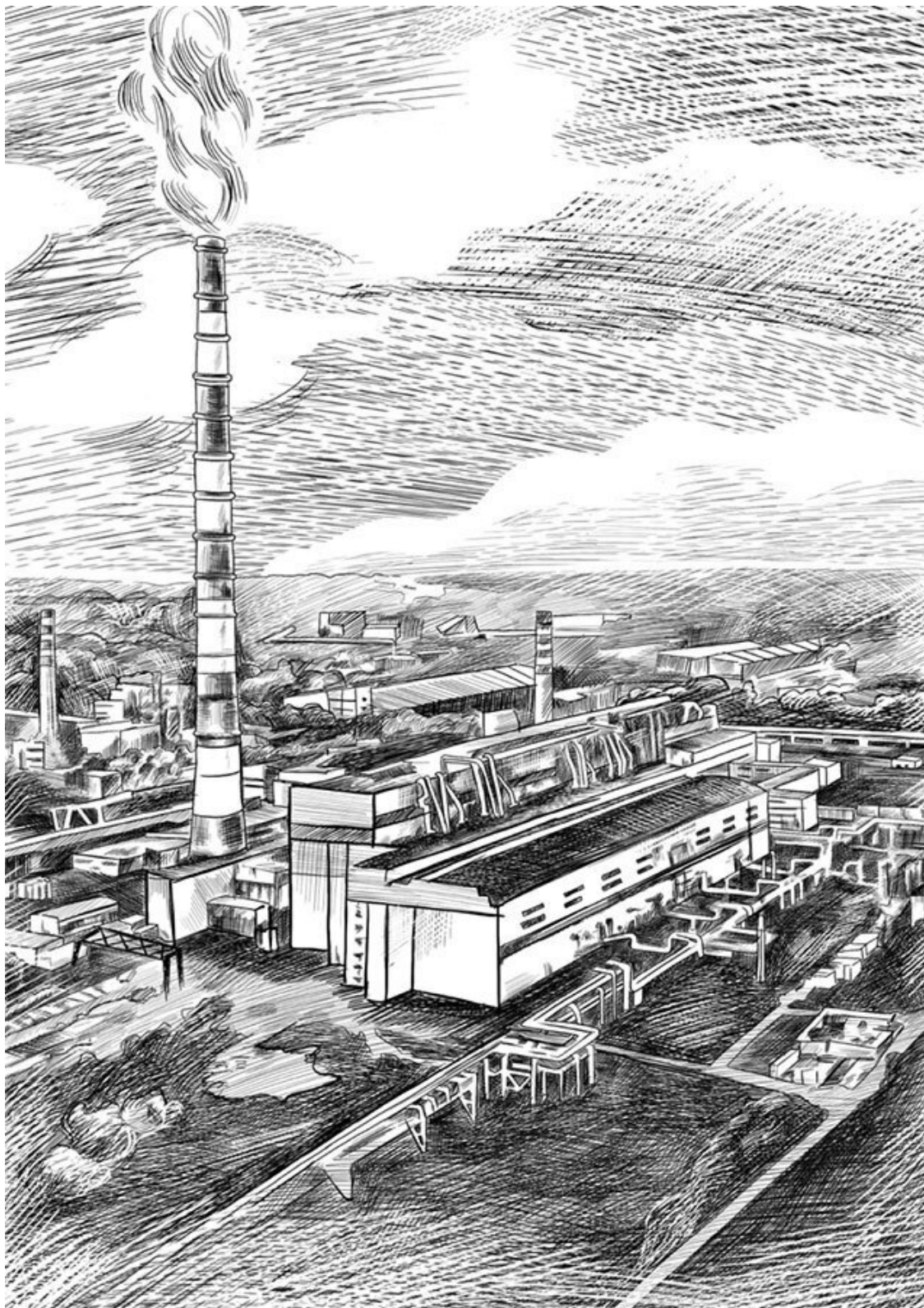
Это совершенно рабочая профессия и достаточно низкооплачиваемая. Я тогда носила тяжёлые ботинки и рабочую робу, в мои обязанности входило выдавать одежду сотрудникам завода, отчитываться за хранение. Мой неугомонный характер начал проявляться здесь, мне кажется, уже спустя неделю. Как только я вникла в рабочий процесс и свои обязанности, я решила, что этот самый процесс нужно оптимизировать. Вместе с коллегой, тоже девушкой с активной жизненной позицией, мы принялись налаживать здесь работу. Подходили ко всему со стороны не только наших знаний и умений, но и чисто женской смекалки. В конце концов, кто лучше женщин умеет организовывать пространство вокруг себя?

Эти изменения не остались незамеченными, и спустя год меня пригласили в литейный цех на должность экономиста. Хочу отметить, что это именно те две специальности, которые я получала в университете. Да-да, сразу две! Одна специальность – инженер-металлург, а вторая – экономист. Литейный цех свёл мои профессии воедино.

Это был первый по-настоящему серьёзный шаг в моей карьере.

Глава третья

*– Меня не интересует, почему нет! Мне нужно, чтобы было Да!
К/ф «Москва слезам не верит»*

Западно-Сибирский металлургический комбинат. Как вы себе вообще представляете это... здание? Комплекс зданий? Этот огромный город в городе – как?

У меня в голове до сих пор есть картина этого невероятного гиганта. Помню, я как-то поздним вечером смотрела на него с возвышенности рядом с рекой Томь и видела огромный живой организм. Не делила его на здания, цеха, дороги... Это был большой, сильный, красивый и ЖИВОЙ город. Мигали огоньки, двигались по улицам машины и погрузчики, где-то там выходили на перекур рабочие, наблюдали за процессами литейщики, отгружали продукцию транспортники... Он жил. Как у любого живого организма, у него были взлёты и падения, были свои болезни и горести, он так же прихорашивался к праздникам и собирал силы в кулак в тяжёлые времена. И просто жил.

Когда-то, когда я была ещё маленькой, мне казалось, что Комбинат был всегда, и именно он дал жизнь городу. Я знаю, папа рассказывал, что это не просто предприятие. Это завод-герой! Я не хочу давать здесь историческую обобщённую справку, потому что для меня он – не историческая справка, для меня – это живой и РОДНОЙ организм. И он легендарный! Я уже упоминала, что во время войны именно этот завод одел половину советских танков в броню. А сейчас он связывает нашу страну тысячами тысяч километров рельс. Поезда, трамваи, метро – почти все в стране бегают по нашим рельсам. Именно мы связываем вас друг с другом, делаем короче расстояния, именно голоса наших рельс звучат в уютном перестуке колёс поезда. Если вы когда-нибудь гуляли вдоль рельсов, засидевшись с любимыми и опоздав на последний трамвай, то именно мы – свидетели вашей романтической истории.

Сейчас мы делаем не только рельсы. Видели Москва-Сити? Красиво, правда? А ведь в его существовании есть и наша заслуга тоже. Мы делаем специальную арматуру для зданий из бетона, стекла и металла.

Здесь работает двадцать две тысячи человек. Есть свои улицы и дома. Например, улица Стальная или улица Доменная. Есть имена у доменных печей. Наша гордость – Домна Запсибовна.

По улицам нашим ходят автобусы, спешат по своим делам люди. Здесь есть свои «регионы» со своим языком и сленгом, почти как в нашей огромной стране. Как в России говорят на национальных языках и наречиях, например, в Башкирии и Чувашии, так и здесь «энергетики» и «железнодорожники» могут и не сразу друг друга понять, потому что в каждом подразделении свой диалект и свои «словечки». Здесь люди встречаются, женятся и расстаются, здесь рождаются дети и плетутся интриги. Здесь мы чествуем ветеранов, помним их подвиг и продолжаем традиции.

Я безумно рада, что мне повезло родиться в Новокузнецке и стать частью этого невероятно огромного предприятия.

Как я уже писала выше, первой моей должностью была работа кладовщика. Помню, как нас с Ириной, моей напарницей, завели в большое гулкое помещение, где ещё ничего-то, кроме стеллажей, не было, и сообщили, что вот здесь и будет наш с ней склад. А вот формировать его придётся нам самим. Дескать, всё в ваших же руках.

Ира, моя ровесница и такая же молодая мамочка, как и я, поначалу тоже растерялась. Она, в отличие от меня, была серьёзной, спокойной и усидчивой девушкой. Наверное, из-за такой вот разницы в характерах мы и стали хорошими напарниками.

Нашей задачей было не только следить за количеством и качеством формы и одевать рабочих комбината, но и создать, собственно, сам склад.

Мы с Ириной переглянулись тогда, и она несколько обескураженно произнесла:

– И с чего начнём?

– Предлагаю посмотреть «а как у других» и сделать что-то по образу и подобию, – минуту подумав, сообщила ей я.

Мы с ней несколько раз побывали на других складах комбината, поняли порядок и принципы хранения и выдачи, после чего занялись собственным «хозяйством». Тогда мы много ездили по разным складам, и, когда я впервые увидела огромный мешок с рабочей обувью и поняла, что это всё придётся таскать нам, хрупким девушкам, сильно расстроилась.

– Ириш, ну неужели я училась и получала сразу два образования, чтобы теперь вот мешки таскать... – Слезы катились по лицу против моей воли.

– Наташ, давай успокаивайся. Это всё не навсегда. Вот увидишь, мы всё устроим, будет только лучше! Всё в наших руках, – сказала моя напарница-подруга, посмотрев на то, как я расклеилась. Она как раз из тех людей, которые любят и, главное, умеют действовать последовательно, шаг за шагом.

При этом, в отличие от меня, она достаточно скептически относилась ко всем нововведениям. Приходила на работу, честно и ответственно отработывала свои положенные часы и торопилась домой, к семье и любимому ребёнку. Мне же хотелось, как говорится, больше-выше-сильнее.

Мне просто не терпелось не только ввести более удобную систему учёта и выдачи, но и сделать больше для комфорта работников, которым мы выдаём одежду. Так, например, я придумала и организовала шторки – для того чтобы человек мог спокойно и, так сказать, приватно переодеться.

Мои нововведения в ведении склада (масло масляное, но необходимое) были замечены и отмечены руководством, и через какое-то время меня пригласили на другую должность.

Так я пришла в литейный цех, который принял нового экономиста достаточно благо-склонно. Начала вникать в процесс.

У меня есть свой собственный алгоритм работы на любом месте, где бы я ни оказалась. Я стараюсь детально понять, что и как происходит, изучить все процессы работы отдела или предприятия, а затем принимаюсь за улучшения или ввожу какие-либо новые практики. Я просто точно за собой знаю, что даже будь я просто поваром, я б всё равно принялась за реорганизацию процесса. Такой далёкий от моей деятельности пример я привожу исключительно, чтобы на нём показать важность не должности, а личного подхода каждого человека к своей работе. Наверное, именно из-за этого своего подхода, неутомности характера и воспитанной родителями ответственности у меня и сложился такой интересный карьерный цикл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.